

04.08.97

22

известия - 1997 - Февр. - с. 6.

Однажды с Рихтером в Нью-Йорке

Тех, кто встречался с Рихтером, не покидает ощущение, что он был посредником между людьми и Богом.

Два майских дня в Нью-Йорке 1965 года я, тогда корреспондент «Известий», видел и слышал Святослава Рихтера, записав по свежим следам свои впечатления. Прошло много лет, и много раз я испытывал магнетизм великого музыканта и великой личности, которую можно определить словами Фета о Тютчеве: «Вот наш патент на благородство». Сейчас, когда Рихтера не стало, разыскал старую запись и подумал, что, может быть, и эти мимолетные штрихи к портрету будут небызырительны для читателя.

19 мая к семи вечера в советское представительство при ООН пригласили послов, дипломатов, нью-йоркскую изысканную публику, представительский рояль настроили, запросив — под Рихтера — дополнительные ассигнования, в середине зала для приемов по обе стороны от рояля расставили кресла. Но в зал пока не пускали, смокинги и длинные платья дам заполнили «предбанник».

Пришел Теннесси Уильямс, странный, ироничный. Заглянул Леопольд Стоковский, седой, подтянутый, элегантный маэстро, в ботинках на высоком каблуке, с серыми замшевыми перчатками в руках. Заглянул и быстро ушел — торопился на репетицию. А Рихтера все не было — его появление хотели оттянуть до приезда постпреда Николая Трофимовича Федоренко, занятого на Совете Безопасности. Наконец, не дождавшись Федоренко, послали машину за Рихтером в отель и запустили гостей в зал.

И вот зам. постпреда Платон Дмитриевич Морозов по-английски: «Высокоцитимые гости, я имею честь представить вам величайшего артиста Советского Союза Святослава Рихтера...»

Морозов и еще один дипломат распахнули створки дверей, стремительно вышел Рихтер, наотмашь поклонился в одну сторону, наотмашь

Фото Виктора АХЛОМОВА.

— в другую, окинул взглядом рояль и, напряженившись, стремительно поднял и укрепил крышку. Сел на стеганную кожей скамейку, как бы вытер рукой руку и пальцами, словно полусогнутыми в кулак, извлек первые крохотные звуки.

После поклонов публика для него не существовала, он ушел в музыку и вел себя как совершенно одинокий человек. То склонялся над клавиатурой, то выпрямлялся, плечи и фигура гибко ходили, массивный голый череп с отвесным лбом нависал над коротким прямым носом, над глубоко сидящими маленькими глазами. По лицу, подвижному, как руки, проходила то боль, то гримаса

недоумения, то вдруг, высоко вскинувшись, он раскрывал рот и медленно закрывал его, как рыба на суше, пару раз даже проборматывал что-то.

Перенесаясь в другой мир, он передавал его нам, — кому сотую часть, кому десятую, пятую, вторую и лишь себе — весь. Не знаю, сколько досталось мне. Но и от малой части было так радостно и так горько и думалось: ведь все и про все давно сказано, высоко и прекрасно, даже про Совет. Безопасности, обсуждавший в тот вечер интервенцию в Доминиканской Республике. Все сказано, а мы все только дробим. И лишь гений из

дробностей, мелкостей и суеты создает целое и гармоничное, и вот он, Рихтер, послан нам, чтобы напомнить об этом...

Всякий раз, кончив играть и откинув руки, он вставал, кланялся наотмашь в обе стороны и уходил в распахнутую перед ним дверь, и снова выходил на аплодисменты, и снова уходил за дверь, и снова уходил на аплодисменты. Дипломаты хлопали дружно, но и с оглядкой, «браво» не очень уверенно прозвучало за моей спиной.

Двинулись в другую комнату — к бару и столам. Он появился минут через десять, шурился на похвалы и как-то странно улыбался и колебал

ся. Между гением и безумством — лишь неуловимая грань. Я хотел примерить на нем эту мысль. Он лишь малой частью показывал себя нам, незнакомым людям.

Оставив доминиканскую проблему в оновском небоскребе, пришел Федоренко и сразу же предложил тост за гения, которого даже щедрый на таланты советский народ рождает редко. Пока тост говорился и переводился, гений непроизвольно отодвигался от Федоренко из середины зала, лinya к стене. Я оказался рядом и смотрел сбоку и сзади на его череп, отделенный почти безбровой дугой от носа и глаз, на его мешковатый, тяжелый, видать, отечественный фрак, непомерно широкий в плечах (должно быть, для свободы рук), и на скрещенные сзади ладони. Они были красные и широкие (кто-то сказал: как у сталевара), пальцы не то что толстые, но и не тонкие, шевелились. Он рдел и неподдельно смущался, а когда тост был произнесен, обнаружилось, что у него нет стакана, и стоявшая рядом американка передала ему свой, полутитпый, и он поднял его, поддержал и вернул гостю.

Теннесси Уильямс говорил ему, что не слышал ничего подобного. Представлялись дипломаты, а он опять прищурился и улыбался смущенно, не зная языка и, видимо, не имея охоты разговаривать.

Потом подошел и мой черед познаться. Рихтер-таки достиг стенки и стоял, прислонившись к ней, с тарелкой, нахваливая пищу. Теперь я видел его спереди. Машилка была грубоватой, без всякого лоска, а белый галстук плохо завязан.

Я спросил, как показалась ему на этих гастрольях, первых после 1960 года, Америка. «Милее и симпатичнее», — ответил он.

Помимо музыки, самое сильное его увлечение — живопись. Он ходит по нью-йоркским картинным галереям: Метрополитен-музей, Фрик-галлери, Гугенхейм. Объяснил, что смотрит за десять по пять-шесть картин, зато основательно. Что больше всего нравится в Метрополитен?

«Трудно сказать, там так много хорошего... Но... Пожалуй, я вам отвечу — «Вид Толедо» Эль Греко. И «Титус» Рембрандта там чудесный, ранний Рафаэль, Тициан».

Его антрепренерша Диза Арамовна объяснила, что и в отеле «Стэнхоуп» на Пятой авеню Рихтер остановился, потому что это напротив Метрополитен и рядом с двумя другими галереями. Раза по три в день навещает он их на полчас.

Позднее, приехав с Сашей Дружининым из Гостелерадио в отель, на десятом этаже «Стэнхоупа» мы застали нового Рихтера. Диза Арамовна собирала «Славочку» на прогулку. Славочка успел сбросить фрак и был в брюках и темно-синей, навыпуск, рубашке. Д.А. заставила его надеть летнее пальто, и теперь они разыскивали кепку.

За 50-летним Славочкой нужен был присмотр, как за ребенком. Пестрая спортивная кепка была наконец найдена на полу. И, водрузив ее на свой череп, Славочка исчез в одиннадцатом часу вечера, под слегка накрапывающим дождем...

На следующий день они уезжали поездом в Кливленд. «Для всех мы уезжаем сегодня вечером», — пояснила нам накануне Д.А.

Приехав назавтра, чтобы вернуть вырезки из американских газет, которыми нас снабдила Диза Арамовна, мы поймали в холле отеля лишь Энтони, молодого, рыжего, говорящего по-русски англичанина, который присоединился к ним в Лондоне как переводчик. Он сообщил, что Рихтер «гуляет» и что Д.А. тоже где-то пропала. И лишь за час до отправления поезда мне удалось немного поговорить с Рихтером, пока Д.А. наливала ему апельсиновый сок из большой консервной банки. Без желания щегольнуть афоризмом, полуизвинительно, с той же улыбкой, сопровождавшейся мягким жестом руки, Рихтер разъяснил: «Мои интервью — мои концерты».

Ознакомившись с рецензиями, я сказал, что большинство критиков считает, что Рихтер сейчас более велик, чем когда-либо, но некоторые, например из «Нью-Йорк

таймс», пишут, что это не тот Рихтер и даже вообще не Рихтер. Что он думает на этот счет? Он ответил, что иногда выступает более удачно, иногда менее удачно. Что сейчас он в лучшей форме, чем в первые американские гастроли. А вообще восприятие музыки очень индивидуально, зависит от настроения.

Я попросил его порекомендовать какие-либо из его американских записей, но Рихтер устыженно махнул руками. Записи, сделанные в прошлые гастроли (название фирмы он не помнил), — «это позор моей жизни».

«Я был болен, без моего разрешения они выпустили пять пластинок и продают до сих пор».

Д.А. подтвердила, что два-три года Рихтер больно переживал эти «отвратительные записи», но наше Министерство культуры не захотело «конфликтовать» с американцами.

Об Америке вообще он говорил хорошо. «Хорошие приятные люди, но ведь с плохими я и не собираюсь встречаться. Музыкальная аудитория похожа на нашу...»

Нужно было ехать. Чемоданы уже вынесли. Такси уже ждало внизу. Присели по русскому обычаю на дорогу. Напоследок Д.А. и Энтони искали мелкие купюры: четыре доллара — горничной, четыре — еще кому-то, по два — лифтерам и т.д. Рихтер вынул пятидесятидолларовую бумажку и предложил не мелочиться — пусть сами разделят. Д.А. шикнула на него, он одумался — раздерется.

Внизу, заменяя деньги у клерка, Д.А. раздавала чаевые. Славочка прошлась с лифтерами за руку. Портые держал раскрытой дверцу такси. Усевшись в автомобиль, великий человек махал мне рукой и, поворачиваясь лицом к заднему стеклу, снова махал, пока таксист выбирался на середину Пятой авеню, Д.А. тоже махала, и я, конечно, махал им вслед. Лишь англичанин Энтони не оборачивался, устав от русских провожаний.

Станислав КОНДРАШОВ, «Известия».

Рихтер Святослав